

18. 20. 24. 1 Кор. 1, 3. 7. 8. 10; 2, 8 и мн. др.), единымъ Ходатаемъ Бога и человѣковъ (1 Тим. 2. 5), великимъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ (Тит. 2, 13), единымъ Владыкою Богомъ (Иуды 1, 4), Праведнымъ Судією (Рим. 14, 10; 2 Кор. 5, 10; 2 Тим. 4, 8) и Ему приписываются всѣ божескія свойства. Въ виду этого не можетъ подлежать никакому сомнѣнію истинность свидѣтельства, принадлежащаго перу языческаго администратора Плинія Младшаго, по которому уже въ его время въ самыхъ различныхъ и отдаленныхъ частяхъ Римской имперіи, какъ у бывшихъ іудеевъ, такъ и у бывшихъ язычниковъ, составившихъ новое религіозное общество, совершенно отличное отъ іудейства, „воспѣвали Ему (т. е. Иисусу Христу), какъ Богу, хвалебныя пѣсни“. Ясно, что не вѣровать въ божество Иисуса Христа можетъ только тотъ, кто отвергаетъ подлинность *всѣхъ* новозавѣтныхъ писаній, и для кого не имѣетъ никакого смысла свидѣтельство исторіи.

Какое же основаніе указываетъ Толстой для того, чтобы признавать Иисуса Христа только *человѣкомъ*? Въ разбираемомъ нами сочиненіи онъ прямо не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ; но десять лѣтъ тому назадъ въ предисловіи къ своему лже-евангелію онъ могъ сказать лишь слѣдующее: „Ученіе Бога, сошедшаго на землю, чтобы научить людей, по самой цѣли сошествія Бога на землю, не можетъ быть понимаемо различно. Если Богъ сошелъ на землю, чтобы открыть истину людямъ, то наименьшее, что Онъ могъ сдѣлать, это то, чтобы открыть истину такъ, чтобы всѣ ее поняли; если же Онъ этого не сдѣлалъ, то Онъ не былъ Богъ“... „Для меня совершенно все равно, Богъ или не Богъ былъ Иисусъ Христосъ“... Кажется, что, высказывая эти странныя мысли, Толстой какъ-бы, шутя, издѣвается надъ законами человѣческаго мышленія: онъ выводитъ заключеніе совершенно противоположное тому, какого требуютъ имъ же самимъ указанныя послылки. Возвышенность ученія Иисуса Христа болѣе всего свидѣтельствуетъ о его божественности. Если произведенія болѣе совершеннаго человѣческаго ума не всегда бываютъ доступны для одинаковаго пониманія людей, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ умственнаго развитія, то что же слѣдуетъ сказать объ откровеніи мудрости